

РОЗАНА

Труп вытащили восьмого июля около трех часов дня. Он достаточно хорошо сохранился и наверняка пролежал в воде недолго.

То, что его вообще обнаружили, было чистой случайностью. То, что его нашли относительно быстро, оказалось весьма удачным и, конечно же, должно было помочь полиции при расследовании.

Пятнадцатиметровую разницу в уровнях между озерами Веттерн и Бурен компенсируют пять шлюзов. Внизу, перед воротами первого шлюза, имеется волнолом, своеобразный мол, защищающий камеру от ударов волн, которые поднимает восточный ветер на озере Бурен. Когда в тот год весной возобновилось судоходство по каналу, дно между первым шлюзом и волноломом начало заносить илом. Судам с трудом удавалось маневрировать, а винты поднимали со дна густые желто-серые тучи ила и грязи. Стало ясно, что придется что-нибудь предпринимать, и уже в мае управление канала потребовало у администрации водных путей землечерпалку. Письмо путешествовало от одного беспомощного чиновника к другому, пока наконец кто-то не переслал его в Управление морского судоходства. В Управлении морского судоходства решили, что эту работу должна провести одна из землечерпалок администрации водных путей, а администрация водных путей придерживалась мнения, что землечерпалки находятся в ведении Управления морского судоходства. В конце концов, кто-то в отчаянии решил поручить все это дело дирекции порта в Норрчёпинге, которая вернула письмо Управлению морского судоходства, откуда его мгновенно переслали дальше, в администрацию водных путей. Все кончилось тем, что кто-то поднял телефонную трубку и набрал номер одного инженера, специалиста по землечерпалкам. Коллеги за глаза называли его Грязнуля. Он как раз знал, что из пяти имеющихся землечерпалок только одна по габаритам сможет пройти через шлюзы и что эта землечерпалка

сейчас находится в рыбном порту Граварны. Утром пятого июля это плавучее средство прибыло в Буренсхульт, где немедленно стало объектом пристального наблюдения местной детворы и одного вьетнамского туриста.

Через час на палубе появился кто-то из управления канала и отдал экипажу необходимые распоряжения, что заняло некоторое время. Следующим днем была суббота, землечерпалку пришвартовали у волнолома, а экипаж разъехался на уик-энд по домам. Состав экипажа был обычным для этого типа землечерпалок: механик, он же рулевой и капитан в одном лице; экскаваторщик и помощник. Двое последних жили в Гётеборге и уехали домой вечерним поездом из Муталы, механик был из Накки, за ним на автомобиле приехала жена. В понедельник в семь утра все уже были на палубе и через час начали работу. Около одиннадцати трюм наполнился и землечерпалка выдвинулась на глубокое место, чтобы освободиться от груза. На обратном пути пришлось пропустить белый экскурсионный пароход, проплывающий по озеру Бурен в западном направлении. У поручней толпились иностранные туристы и с энтузиазмом махали мужчинам на землечерпалке, сохраняющим каменные выражения на лицах. Пароход с туристами медленно поднимался по шлюзам к Мутале и озеру Веттерн, и к полудню вымпел на его мачте исчез за воротами последней камеры. Примерно в половине второго землечерпалка продолжила чистку дна.

Была прекрасная погода, тепло, время от времени дул нежный ветерок, по небу плыли белые летние облачка. На берегах канала и волноломе собралось много народу. Большая часть загорала, кое-кто ловил рыбу, несколько человек глазели на землечерпалку. Ковш как раз набрал очередную порцию ила со дна озера Бурен и медленно выныривал из воды. Экскаваторскими движениями двигал рычаги, механик пил кофе в каюте, а помощник стоял, опершись локтем о грязный поручень, и сплевывал в воду. Ковш медленно поднимался.

Когда он показался над поверхностью воды, какой-то мужчина на берегу встал и сделал несколько шагов к землечерпалке. Мужчина размахивал руками и что-то кричал. Помощник прислушался, но толком ничего не понял.

— В ковше кто-то есть! Остановитесь! Человек в ковше!

Помощник растерянно уставился на кричащего мужчину, потом посмотрел на ковш, который уже был над трюмом и вот-вот

должен был вывалить свое содержимое. Из ковша хлестала серогрязная вода. В последнюю секунду экскаваторщик остановил его над трюмом. Наконец помощник заметил то, что еще раньше увидел мужчина на берегу. Между зубьями ковша торчала белая рука.

Прошло десять минут, каждая из которых была длинной и прозрачной, как стекло. Началось замешательство, на берегу кто-то снова и снова кричал:

— Ни к чему не прикасайтесь, ничего не трогайте до приезда полиции...

Механик вышел из каюты и приблизился к ковшу, потом вернулся в кабину и уселся за рычаги экскаваторщика. Он отвел стрелу и открыл ковш. Помощник и какой-то рыболлов подхватили труп.

Это была женщина, она лежала на спине на расстеленной клеенке у самого края волнолома, а вокруг стояла испуганная толпа и смотрела на нее. В толпе были и дети, им не следовало бы это видеть, однако никто не решался их прогнать. Всех присутствующих объединяло нечто общее: они уже никогда не смогут забыть, как выглядела эта женщина.

Помощник экскаваторщика вылил на нее три ведра воды. Позже, когда полицейское расследование зайдет почти в тупик, многие будут его за это вспоминать недобрыми словами.

Женщина была голая, без всяких украшений. На груди и животе кожа более светлая: наверное, загорала в бикини. У нее был широкий таз и сильные бедра. Груды маленькие, чуть обвисшие, с большими темными сосками. От талии к бедру тянулся розоватый шрам, других шрамов и родимых пятен на гладкой коже не было. Руки и ноги маленькие, ногти не покрашены. Лицо опухло, трудно было представить себе, как она выглядела в действительности. Брови темные и густые, рот казался большим. Волосы черные, не очень длинные, облепили голову. Одна прядь обвилась вокруг шеи.

2

Мутала — типичный шведский городок средней величины. Он находится в Эстергётланде на северо-восточном берегу озера Веттерн и насчитывает двадцать семь тысяч жителей. Самый высокий полицейский чин в городе — советник полиции, он же занимает

должность общественного обвинителя. У него в подчинении имеется один комиссар полиции, возглавляющий службу охраны общественного порядка и уголовный розыск. Коллектив городской полиции, кроме них, состоит из старшего криминального ассистента девятнадцатого класса, шести детективов и одной женщины. Один из детективов обучен фотоделу, а если возникает необходимость в проведении медицинского обследования, полиция, как правило, привлекает кого-нибудь из городских врачей.

Через час после объявления тревоги бóльшая часть местной полиции уже находилась на волноломе в Буренсхульте недалеко от портового маяка. Вокруг трупа столпилось много народу, и команда землечерпалки уже не видела, что происходило дальше. Она оставалась на борту, а землечерпалка была пришвартована кормой к волнолому.

За полицейским оцеплением у пристани собралась огромная толпа, по крайней мере раз в десять больше, чем на волноломе. На противоположном берегу канала стояло несколько автомобилей, среди них четыре полицейских и одна санитарная машина с красным крестом на задних дверях. На подножке сидели двое мужчин в белых халатах и курили. Казалось, они единственные, кого совершенно не интересует толпа у маяка.

На краю волнолома врач уже укладывал сумку и одновременно разговаривал с комиссаром, невысоким седоватым мужчиной по фамилии Ларссон.

— Ну, пока что я могу сказать не очень много.

— Нам оставить ее лежать здесь?

— Об этом мне бы следовало скорее спросить у вас, — ответил врач.

— Вряд ли преступление совершено именно на этом месте.

— Хорошо, в таком случае пусть ее отвезут в морг. Я вам позвоню.

Врач закрыл сумку и ушел.

— Ольберг, — сказал комиссар, — проследи, чтобы перекрыли весь округ.

— Да, конечно.

Стоящий у маяка советник полиции не проронил ни слова. Он не имел привычки вмешиваться в расследование, пока оно еще находилось на начальной стадии. Однако по пути в город он сказал комиссару:

- Ужасные синяки.
  - Гм.
  - Будешь меня регулярно информировать.
- Ларссон не сделал попытки даже кивнуть.
- Поручаешь расследование Ольбергу?
  - Ольберг хороший работник.
  - Да-да, конечно.
- Разговор закончился.

Они приехали, вышли из машины и разошлись по своим кабинетам.

Советник полиции позвонил окружному начальнику в Линчёпинге.

— Я подожду, пока мы будем знать больше, — сказал окружной начальник.

У комиссара состоялся краткий разговор с Ольбергом.

- Прежде всего нужно выяснить, кто она такая.
- Да, — сказал Ольберг.

Он пошел в кабинет, позвонил пожарным и попросил дать ему двух аквалангистов. Потом прочел дело о краже со взломом в припортовом квартале. Ну, тут скоро все выяснится. Ольберг встал и пошел в дежурную комнату.

- Есть заявление о том, что кто-либо пропал без вести?
- Нет.
- А в розыске никто не числится?
- Никого, похожего на нее, нет.

Ольберг вернулся в кабинет и принялся ждать.

Через пятнадцать минут зазвонил телефон.

- Придется произвести вскрытие, — сказал врач.
- Ее задушили?
- Думаю, что да.
- Изнасиловали?
- Вероятно.

Врач минуту помолчал, потом добавил:

- Ну, так как?

Ольберг грыз ноготь на указательном пальце. Он думал об отпуске, который должен был начаться в пятницу, и еще о том, в какой восторг от всего этого придет его жена.

Врач неправильно истолковал его молчание.

- Вас это удивляет?

— Нет, — сказал Ольберг.

Он положил трубку и зашел за Ларссоном. Вместе они отправились к советнику полиции.

Через десять минут советник полиции обратился в окружное управление с официальной просьбой о проведении судебно-медицинской экспертизы. Управление связалось с государственным институтом судебной медицины. Прокурором оказался семидесятилетний профессор. Он приехал ночным поездом из Стокгольма, прекрасно выспавшийся и в отличном настроении. Вскрытие он проводил восемь часов, практически без перерывов.

Закончив работу, он дал предварительное заключение: «Смерть наступила в результате удушения. Половые органы серьезно повреждены. Сильное внутреннее кровотечение».

На письменном столе Ольберга начали понемногу накапливаться разные документы, связанные с расследованием этого дела. Все можно было выразить одной фразой: на дне канала возле шлюзов в Буренсхультге обнаружен труп женщины.

Ни в городе, ни в соседних полицейских округах не было зарегистрировано заявлений, что кто-то пропал без вести. Никто, соответствующий описанию мертвой женщины, в розыске не значился.

3

Было четверть шестого утра, шел дождь. Мартин Бек долго и тщательно чистил зубы, чтобы избавиться от свинцового привкуса во рту, и ему показалось, что это удастся.

Потом он застегнул воротничок рубашки, повязал галстук и удрученно посмотрел на свое лицо в зеркало. Пожал плечами и вышел в холл, а оттуда направился в комнату, где бросил страстный взгляд на модель учебного парусника «Дания»¹, которую, пожалуй, даже чересчур долго собирал накануне вечером, и вошел в кухню.

Он ходил по квартире тихо, словно крадучись, отчасти по старой привычке, отчасти — чтобы не разбудить детей.

¹ «Дания» — учебный трехмачтовый парусник, спущенный на воду в 1932 году. Во время Второй мировой войны находился в территориальных водах США и служил тренировочным судном для американских моряков. Возглавлял парад кораблей на Всемирной выставке в Нью-Йорке в 1964 году. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, — примеч. ред.)

Уселся за кухонный стол.

— Газет еще нет?

— Почтальон никогда не приходит раньше шести, — ответила жена.

На дворе уже рассвело, однако небо было затянуто тучами, и в кухне царил полумрак. Жена не включила свет. Она говорила, что экономит.

Он открыл было рот, но так ничего и не сказал — разгорелась бы ссора, а для этого был неподходящий момент, ограничился тем, что тихонько барабанил пальцами по столу и смотрел на пустую чашку с орнаментом из синих розочек. На краю чашка была надколота, вниз тянулась рыжая трещина. Эта чашка провела с ними почти всю их супружескую жизнь. Больше десяти лет. Жена редко что-нибудь разбивает, и уж вовсе нет ничего, что нельзя было бы склеить. Самое удивительное, что дети тоже пошли в нее.

Неужели такие вещи передаются по наследству?

Жена сняла с плиты кофейник и налила кофе.

— Может, тебе хочется поесть?

Он перестал барабанить по столу, пил осторожно, маленькими глоточками. Сгорбившись, с подавленным видом сидел за столом.

— Тебе следовало бы немного поесть, — сказала она.

— Ты ведь знаешь, что утром я не могу есть.

— Но ты должен поесть, — продолжила она. — Особенно если учесть, какой у тебя желудок.

Он нащупал кончиками пальцев на своем лице несколько пропущенных волосков, которые не удалось сбрить; они были короткие и острые. Молча пил кофе.

— Я могла бы сделать хотя бы бутерброды, — сказала она.

Через пять минут он тихо поставил чашку, поднял глаза и посмотрел на свою жену.

На ней была нейлоновая ночная рубашка, а сверху — коричневый махровый халат. Она сидела, опершись локтями на стол и подперев ладонями подбородок. Его жена была блондинкой, со светлой кожей и круглыми, немного вытаращенными глазами. Брови она обычно красила, но за лето они выцвели и теперь были такими же светлыми, как и волосы. Она была старше его на пару лет, и, несмотря на то что в последнее время начала полнеть, кожа у нее на шее уже увяла.

Еще до того, как двенадцать лет назад у них родилась дочь, она ушла из мастерской какого-то архитектора, а потом у нее уже не появлялось желаний снова устроиться на работу. Когда сын пошел в школу, Мартин Бек предложил ей найти работу на неполный день, однако она считала, что это невыгодно. Кроме того, ей нравился комфорт, и существование просто в качестве домохозяйки вполне ее устраивало.

Мартин Бек встал и задвинул под стол синюю табуретку. Он по-прежнему все делал бесшумно. Подошел к окну, за которым моросил дождь.

За автостоянкой под травянистым склоном тянулась автострада, блестящая и пустынная. В высотных домах на холме за станцией метро кое-где светились окна. В низком сером небе кружилось несколько чаек; кроме них, нигде не было ни души.

— Куда ты едешь? — спросила она.

— В Муталу.

— Надолго?

— Не знаю.

— Из-за той девушки?

— Да.

— Как ты думаешь, это займет много времени?

— Я знаю об этом столько же, сколько и ты. Не больше того, что было в газетах.

— А почему ты должен ехать поездом?

— Все уехали вчера. Я сначала вообще не должен был этим заниматься.

— Естественно, они обращаются с тобой как всегда.

Он глубоко вздохнул и посмотрел в окно. Казалось, дождь понемногу прекращается.

— Где ты будешь жить?

— В городской гостинице.

— А кто будет работать с тобой?

— Кольберг и Меландер. Я уже сказал тебе, что они уехали вчера.

— На автомобиле?

— Да.

— А тебе придется трястись во втором классе?

— Да.

Стоя к ней спиной, он слышал, как она встает и ополаскивает чашку с синими розочками и надколотым краем.

— Мне нужно на этой неделе заплатить за электричество и занятия ребенка верховой ездой в манеже.

— Может, тебе хватит денег?

— Ты прекрасно знаешь, что я не могу снимать с книжки.

— Да, я забыл.

Он вынул из кармана бумажник и открыл его. Вытащил банкноту в сто крон, посмотрел на нее, сунул обратно и вернул бумажник в карман.

— Я ужасно не люблю снимать деньги с книжки, — вздохнула она, — стоит только снять один раз, и это будет началом конца.

Он снова вытащил сотенную, сложил ее, повернулся и положил на кухонный стол.

— Я упаковала тебе чемодан, — сказала она.

— Спасибо.

— И помни о своем горле. Погода в это время года коварная, особенно по ночам.

— Да.

— А этот отвратительный пистолет ты, конечно, потащишь с собой?

«Нет... да, сегодня, как и всегда», — подумал Мартин Бек.

— Чему ты улыбаешься? — спросила она.

— Да так, ничему.

Он пошел в комнату, открыл ящик секретера и взял пистолет. Сунул его во внутренний карман на крышке чемодана и закрыл чемодан.

Это был обыкновенный «вальтер» калибра 7,65 миллиметра, которые изготавливают по лицензии в Швеции. Оружие не из лучших; кроме того, стреляет Бек очень плохо.

Он вышел в прихожую и надел непромокаемый плащ. Молча стоял с черной шляпой в руке.

— Ты не попрощаешься с Рольфом и Малышкой?

— Называть двенадцатилетнюю девушку Малышкой смешно.

— Мне так нравится.

— Зачем их будить. Они ведь знают, что я уезжаю.

Он надел шляпу.

— Ну, пока. Я позвоню.

— Пока. Следи за собой.

Он ждал на платформе поезд и думал о том, что нет ничего страшного, что ему приходится уезжать из дому, хотя он и не успел доделать паруса на модели учебного парусника «Дания».

Мартин Бек не был начальником отдела расследования убийств и даже во сне никогда не представлял себе, что когда-нибудь может им стать. Более того, иногда он серьезно сомневался, удастся ли ему вообще дотянуть до комиссара полиции, хотя помешать ему в этом могла лишь собственная смерть или тяжелый служебный проступок. Он был старшим криминальным ассистентом и уже восемь лет работал в отделе расследования убийств. Многие считали его самым способным следователем во всей Швеции.

Половину всей своей жизни он прослужил в полиции. В возрасте двадцати одного года начал службу в полицейском участке округа Якоб в центре Стокгольма. Прослужив шесть лет патрульным в разных округах Стокгольма, выдержал экзамен в полицейскую школу. Он был одним из лучших учеников и по окончании курса стал криминальным ассистентом. Тогда ему было двадцать восемь лет.

Годом раньше у него умер отец. Чтобы иметь возможность помогать матери, Мартин Бек съехал из комнаты в округе Клара в центре города и вернулся в квартиру своих родителей в Сёдермальме, откуда до центра было намного дальше. В то лето он познакомился со своей женой. Она вместе с подругой снимала домик на одном из островков в морском заливе недалеко от Стокгольма, а он в один прекрасный день случайно причалил там на своей байдарке. Она ему очень понравилась, и осенью, когда они уже ждали ребенка, в ратуше состоялась свадьба и он переехал в ее квартиру на острове Кунгсхольмен.

Когда дочке исполнился годик, от веселой, живой девушки, в которую он влюбился, уже почти ничего не осталось, и их супружеская жизнь понемногу стала серой и будничной.

Мартин Бек сидел на диванчике из зеленой кожи, которой обтянуты сиденья в поездах стокгольмского метро, и смотрел в залитое дождем окно, тупо и неприязненно размышлял о своей супружеской жизни, но когда понял, что начинает себя жалеть, тут же вытащил из кармана газету и попытался сосредоточиться на педовице.

Он выглядел уставшим, серый утренний свет отбрасывал на его загорелое лицо мертвенную тень. У него было худое лицо, высокий лоб и могучий подбородок. Губы под коротким прямым носом длинные и узкие, от их уголков тянулись две глубокие морщины, а при улыбке были видны белые здоровые зубы. Темные

прямые волосы зачесаны гладко назад, они еще не начали сесть. Голубые глаза смотрели открыто и спокойно. Он был худощав, не очень высок и слегка сутулился. Некоторым женщинам он очень нравился, но большинству его внешность казалась самой рядовой. Одевался он не броско, а скорее даже чересчур скромно.

Воздух в вагоне был неподвижный и затхлый; Беку казалось, что его желудок как бы плавает в воде, — в метро это случалось с ним достаточно часто. Когда поезд подъехал к станции, откуда надо было подниматься на Центральный вокзал, Бек уже стоял в дверях с чемоданом в руке. Он не любил ездить в метро, но к автомобилям чувствовал еще большее отвращение, и, когда у него была хорошая тихая комната в центре города, ему совсем не нужно было пользоваться этим видом транспорта.

Скорый поезд в Гётеборг уходил с Центрального вокзала в половине восьмого. Мартин Бек специально пролистал всю газету, но об убийстве не нашел ни слова. Он вернулся к рубрике «Культура» и начал читать статью об антропософе Рудольфе Штейнере¹, но еще в городе уснул над ней.

Проснулся он вовремя и успел пересечь в Хальльсберге. Свинцовый привкус во рту появился снова, Бек выпил три стакана воды, но избавиться от него так и не смог.

В Муталу он приехал в половине одиннадцатого, дождь уже прекратился. Бек был здесь впервые, в вокзальном киоске он купил пачку сигарет «Флорида», местную газету и поинтересовался, как пройти к городской гостинице.

Гостиница находилась на главной городской площади, в нескольких кварталах от вокзала. Короткая прогулка немного взбудорила Бека. В гостинице он вымыл руки и выпил бутылку минеральной воды, которую купил у швейцара. Несколько минут стоял у окна и разглядывал площадь со статуей, изображающей, как ему казалось, очевидно, Бальцера фон Платена². Потом он направился в полицейский участок. Плащ надевать не стал, потому что участок находился на противоположной стороне улицы.

---

¹ *Рудольф Штейнер* (1861–1925) — австрийский философ, основатель антропософии — учения о путях освобождения скрытых духовных сил человека. (Примеч. перев.)

² *Бальцер фон Платен* (1766–1829) — шведский граф, инженер и политический деятель, создатель крупнейшего в Швеции Гёта-канала, соединившего Балтийское море и пролив Каттегат. Похоронен недалеко от г. Мутала на берегу Гёта-канала. (Примеч. перев.)

У входа он назвал свое имя дежурному, и тот направил его в кабинет на первом этаже. На двери висела табличка с надписью «Ольберг».

Мужчина, сидящий за письменным столом, был широкоплечий, коренастый, уже начавший лысеть. Синий пиджак он повесил на спинку стула ипил кофе из бумажного стаканчика. На краю полной окурков пепельницы медленно догорала сигарета.

У Мартина Бека была привычка проскальзывать в дверь незаметно, что многим действовало на нервы. Некоторые коллеги утверждали, что он обладает умением оказываться в комнате одновременно со стуком снаружи в закрытую дверь.

Мужчина за письменным столом тоже казался несколько ошеломленным, он поставил бумажный стаканчик на стол и поднялся:

— Меня зовут Ольберг.

Он вел себя выжидательно. Мартин Бек видел это и знал, почему он так поступает. Бек — специалист из Стокгольма, а мужчина за столом провинциальный полицейский, который не знает, как себя дальше вести. Последующие две минуты могут оказаться решающими для их дальнейшего сотрудничества.

— Не возражаешь, если мы будем на «ты»? Как тебя зовут по имени? — спросил Мартин Бек.

— Гуннар.

— Чем занимаются Кольберг и Меландер?

— Не имею понятия. Вернее, не помню.

— Они, наверное, выглядели так, словно собирались разделиться с этим делом в два счета?

Ольберг пригладил редующие волосы, потом криво ухмыльнулся и сел во вращающееся кресло.

— Примерно так, — кивнул он.

Мартин Бек уселся напротив, вынул сигареты и положил их перед собой на стол.

— Ты выглядишь уставшим, — сказал он.

— У меня накрывается отпуск.

Ольберг опорожнил бумажный стаканчик, смял его и бросил под стол, ухитрившись при этом попасть в корзину.

На письменном столе был ужасный беспорядок. Мартин Бек вспомнил свой собственный стол в полицейском участке округа Кристинеберг. Тот выглядел совершенно по-другому.

— Ну, — сказал Бек, — есть какие-нибудь новости?

— Абсолютно никаких, — ответил Ольберг. — Прошла уже неделя, а нам по-прежнему не известно ничего, кроме того, что сказали врачи.

По старой привычке он перешел на официальный тон.

— Смерть наступила в результате удушения. Имеются признаки грубого изнасилования. Преступник очень жестокий. Возможно, сексуальный маньяк.

Мартин Бек рассмеялся и встретил недоумевающий взгляд Ольберга.

— Ты сказал: «Смерть наступила...» Я тоже иногда так выражаюсь. Что ни говори, а нам все-таки приходится писать слишком много официальных служебных документов.

— Это плохо. — Ольберг вздохнул и почесал голову. — Мы выловили ее восемь дней назад, — сказал он, уставившись в стол, — и до сих пор не продвинулись ни на сантиметр. Не знаем, кто она такая, у нас нет ни одного подозреваемого, и нам неизвестно, где это произошло. Мы не нашли ничего, что бы имело к ней хотя бы какое-нибудь отношение, абсолютно ничего.

4

— Смерть наступила в результате удушения, — повторил Мартин Бек.

Он сидел за столом и рассматривал фотографии, которые Ольберг выгреб из кучи бумаг. На фотографиях были изображены шлюз, труп на клеенке и на столе в морге.

Мартин Бек положил фотографию, которую держал в руке, перед Ольбергом и сказал:

— Нужно обрезать и немного подретушировать это фото, здесь она выглядит получше. Потом придется обойти один дом за другим. Если она местная, должен же кто-нибудь ее узнать. Сколько человек ты можешь для этого выделить?

— Максимум троих, — сказал Ольберг. — Нас тут слишком мало. Трое в отпуске, а один в больнице со сломанной ногой. Кроме советника полиции, Ларссона и меня, в полицейском участке восемь человек.

Он посчитал на пальцах.

— Да, в том числе одна женщина. К тому же кто-то должен заниматься и текущими делами.

— В худшем случае нам придется тоже подключиться. Это займет кучу времени. Кстати, а как тут у вас обстоят дела с разными извращениями, маньяками?

Ольберг задумчиво постукивал по зубам карандашом. Потом он выдвинул ящик письменного стола и достал оттуда лист бумаги.

— Одного мы допросили. Его задержали позавчера в Линчёпинге, но у него есть алиби на всю неделю. Это донесение от Блумгрена, он занимался всеми лечебницами.

Бумагу Ольберг положил в зеленую папку.

Минуту они сидели молча. У Мартина Бека начал побаливать желудок, он вспомнил вечные разговоры жены о регулярном питании. Вот уже почти двадцать четыре часа, как он ничего не ел.

Воздух в кабинете был тяжелым, почти осязаемым. Ольберг встал и открыл окно. Где-то рядом работало радио, они услышали сигналы точного времени.

— Час дня, — сказал Ольберг. — Если хочешь есть, я могу попросить, чтобы нам что-нибудь принесли. Лично я голоден как волк.

Мартин Бек кивнул, и Ольберг поднял трубку. Через минуту раздался стук в дверь, вошла девушка в синем халатике и красном фартуке и принесла поднос с едой.

Мартин Бек съел бутерброд с ветчиной и выпил несколько чашек кофе.

— Как, по твоему мнению, она туда попала? — спросил он.

— Не знаю. Днем у шлюзов всегда много народу, вряд ли это могло произойти среди бела дня. Возможно, ее бросили в воду с берега или волнолома, а завихрения от пароходных винтов утащили ее дальше от берега. Ее могли сбросить в воду и с судна.

— Какие суда проплывают через эти шлюзы? Небольшие грузовые суда и частные яхты?

— Яхты тоже, но их немного. В основном грузовые. Пароходы. Ну и, естественно, экскурсионные пароходики «Диана», «Юнона» и «Вильгельм Там»¹.

— Может, поедем к шлюзам? — предложил Мартин Бек.

---

¹ *Вильгельм Там* (1839–1911) — шведский инженер и промышленник, директор военного завода в г. Хускварна; широко вводил передовую технологию и новые методы организации труда рабочих. (*Примеч. перев.*)

Ольберг встал, взял отобранную Бекон фотографию и сказал:
— Поедем. По дороге я отдам это фото в лабораторию.

Было уже почти три часа, когда они вернулись из Буренсхульты. В шлюзах было оживленное движение, и Мартин Бек предпочел остаться на берегу среди отдыхающих и рыбаков наблюдать за судами.

Он поговорил с экипажем землечерпалки, побывал на самом конце волнолома и долго разглядывал шлюз. По озеру Бурен шла галсами яхта с маленьким парусом, и Бек сразу с тоской вспомнил свою байдарку, которую продал несколько лет назад. На обратном пути в город он молча сидел в автомобиле и вспоминал, как в старое доброе время летом уезжал из Стокгольма в морской залив и плавал между островами.

У Ольберга на столе уже лежало восемь свежих копий из фотолaborатории. Фотограф отретушировал снимок, и лицо девушки выглядело так, словно она живая.

Ольберг просмотрел фотоснимки, четыре копии положил в зеленую папку и кивнул:

— Хорошо, я дам их ребятам, и они сразу смогут этим заняться.

Когда он через минуту вернулся, Мартин Бек стоял у стола и поглаживал пальцем кончик носа.

— Мне нужно позвонить, — сказал он.

— Можешь зайти в кабинет в конце коридора.

Этот кабинет был больше, чем у Ольберга, с двумя окнами. Здесь стояли два письменных стола, пять стульев, два металлических ящика и маленький столик со старой, выдавшей вида пишущей машинкой.

Мартин Бек сел за один из столов, положил перед собой сигареты и спички, открыл зеленую папку и стал просматривать документы. Ему не удалось выудить из них больше того, что он уже знал из разговора с Ольбергом.

Через полтора часа у него кончились сигареты. За это время он позвонил в несколько мест без всякого результата и поговорил с советником полиции и комиссаром Ларссоном, оба выглядели уставшими и подавленными. В тот момент, когда он сминал в руке пустую коробку из-под сигарет, позвонил Кольберг.

Через десять минут они встретились в гостинице.

— Ну и задал ты нам работенку. Хочешь кофе?
— Нет, спасибо. Чем ты занимался с утра?
— Побывал в редакции местной газеты и поговорил с одним редактором в Буренсберге. Он был убежден, что держит в руках сенсацию. Дело в том, что в Буренсберге десять дней назад должна была приступить к работе на новом месте одна девушка из Линчѐпинга, однако она так и не появилась. Похоже, накануне она выехала из Линчѐпинга и с тех пор как в воду канула. Однако никого это не встревожило, так как известно, что она особа ненадежная. Тот газетчик знаком с ее шефом и решил провести собственное расследование, однако ему не пришло в голову спросить, как, собственно, выглядит эта девушка. Я поинтересовался, естественно, это не она. Это толстая блондинка, она еще не объявилась. Так и потратил целый день.

Он вытянул ноги, оперся на спинку стула и принялся ковыряться зубочисткой во рту.

— А чем мне заниматься теперь?

— Ольберг отправил своих людей поговорить с местными жителями, будет неплохо, если ты им поможешь. Когда появится Меландер, мы все обсудим с господином советником и Ларссоном. Зайди к Ольбергу, он скажет, что ты должен делать.

Кольберг допил кофе и встал.

— Ты тоже идешь? — спросил он.

— Нет, не сейчас. Скажи Ольбергу, что он найдет меня в гостинице, если что-нибудь понадобится.

В гостиничном номере Мартин Бек снял пиджак, разулся, развязал галстук и уселся на постель.

Погода улучшилась, на небе были редкие белые облачка. Комнату освещало послеполуденное солнце.

Мартин Бек встал, приоткрыл окно и задернул тонкие занавески, затем прилег на постель, засунул ладони под голову.

Думал он о девушке, лежавшей в иле озера Бурен.

Он закрыл глаза и увидел ее перед собой такой, какой она была на фотографии. Голая, узкие плечи и черные волосы, обвившиеся вокруг шеи.

Кто она, о чем думала, как жила? С кем встречалась?

Она была молодая и — в этом он был уверен — красивая. Наверняка она кому-то нравилась. Кто-то был близок с ней, а теперь

думает о том, что с ней что-то случилось. Должны ведь быть у нее друзья, коллеги, родственники, возможно, братья или сестры. Никто, тем более молодая, красивая женщина, не может быть настолько одинокой, что ее отсутствие останется совершенно незамеченным и не встревожит ни одного человека.

Мартин Бек долго думал над тем, почему ее никто не разыскивал. Ему было жаль эту девушку, потому что никто не заметил ее исчезновения, и он не понимал почему. Возможно, она сказала, что куда-то уезжает? В этом случае может пройти много времени, прежде чем люди задумаются, не случилось ли с ней что-нибудь.

Все дело в том, когда это произойдет.

5

Была половина двенадцатого дня, Мартин Бек находился в Мутале третьей сутки. С самого раннего утра он уже работал, хотя, насколько мог судить, все это было ни к чему. Сейчас сидел несколько минут за маленьким письменным столом и перелистывал записную книжку. Несколько раз протягивал руку к телефону, ему казалось, что надо бы позвонить домой, но каждый раз это как-то не получалось.

Не получалось вообще ничего.

Он взял шляпу, запер дверь и медленно спустился вниз по лестнице. Диванчики в холле гостиницы полностью оккупировали газетчики, на полу лежали две сумки с кинокамерами и два перевязанных ремнями штатива. У входа, стоя под стенкой, курил один из фотографов. Фотограф был молод, сигарета торчала у него изо рта, он поднял фотоаппарат к глазам и смотрел в видоискатель.

Проходя мимо газетчиков, Мартин Бек опустил шляпу на лоб, ссутулился еще больше, чем обычно, и ускорил шаг. Сделал он это чисто автоматически, однако было здесь и что-то театральное. Один из журналистов спросил с неожиданно кислым видом:

— Послушайте, так сегодня вечером состоится ужин с отделом расследования убийств или нет?

Мартин Бек что-то пробормотал, сам не зная что, и направился к выходу. Еще не успев открыть дверь, он услышал слабый щелчок: фотографу все-таки удалось сделать снимок.

Он вышел из гостиницы и почти побежал по тротуару, но, как только исчез из поля зрения журналистов, в нерешительности остановился и простоял секунд десять. Бросил окурок в водослив у тротуара, пожал плечами и направился к такси. Откинувшись на заднем сиденье, тер правым указательным пальцем кончик носа и украдкой посматривал в сторону гостиницы. Из-под полёй шляпы он видел газетчика, который в холле обратился к нему с вопросом. Теперь этот репортер стоял у входа и смотрел на такси. Продолжалось это не больше минуты, потом он тоже пожал плечами и вернулся в гостиницу.

Пресса и сотрудники отдела расследования убийств частенько жили под одной крышей и, когда полиции везло и расследование быстро заканчивалось, устраивали, как правило, общий ужин, во время которого в основном пили пиво. Со временем это стало своеобразной традицией. Мартину Беку она не слишком была по душе, однако большинство его коллег придерживались иного мнения.

Хотя двухдневное пребывание в Мутале ничего не дало, но в городе Бек уже кое-как ориентировался; по крайней мере, знал названия улиц. Престгатан, Дроттнинггатан, Эстермальмсгатан, Буренсвелен, Веркстадсвелен, и вот он уже на месте. Попросил водителя остановиться у моста, расплатился и вышел из машины. Подошел к перилам моста, облокотился на них и посмотрел вниз на канал с крутыми зелеными берегами, похожими на лестницы. Внезапно он вспомнил, что забыл попросить шофера написать в квитанции, откуда и куда тот его вез. Если вписать самому, могут возникнуть неприятности с бухгалтерией. Лучше всего впечатать на пишущей машинке, это обычно вызывает доверие.

Он все еще размышлял над этим, идя по тропинке на северном берегу канала к расположенному ниже озеру Бурен.

Утром несколько раз шел дождь, воздух был свежим и чистым. Мартин Бек остановился на крутом склоне, сделал глубокий вдох и почувствовал влажный аромат луговых цветов и мокрой травы. Этот запах напомнил ему детство, когда сигаретный дым, вонь выхлопов и аллергическая слизистая еще не лишили его обоняния. О своем детстве он вспомнил как об очень далеком прошлом.

Мартин Бек миновал все пять шлюзов и пошел дальше вдоль пристани. Между волноломом и первой шлюзовой камерой собра-

лось несколько небольших судов, а на озере Бурен плавала пара яхт. Метрах в пятидесяти от конца мола громыхала и пыхла землечерпалка. Над ней, как дозорные, большими кругами лениво летали несколько чаек. Видно было, как они вытягивают головы то в одну, то в другую сторону, напряженно ожидая, что поднимет со дна ковш. Бдительность и наблюдательные способности чаек были достойны удивления, так же как их терпение и оптимизм. «Они напоминают Кольберга и Меландера», — подумал Мартин Бек. Дойдя до конца волнолома, остановился. Так, значит, она лежала здесь. По крайней мере, здесь положили обезображенное тело на клеенку, практически на всеобщее обозрение. Через несколько часов двое санитаров с носилками увезли ее, а еще через некоторое время один пожилой господин, специалист по таким делам, разрезал это тело и копался в нем, а потом зашил для приличия, и наконец все кончилось в холодильнике морга. Сам Мартин Бек мертвого тела не видел. Что ж, спасибо хотя бы за это.

Он вдруг осознал, что стоит, заложив руки за спину, и перекачивается с пятки на носок и обратно. Это была его старая привычка, приобретенная еще в давние времена патрульной службы, ужасная привычка, от которой он никак не мог избавиться. Он стоял и смотрел себе под ноги на серый волнолом, с которого дождь давно смыл меловые линии, нанесенные в первые минуты расследования. Очевидно, он стоял долго, потому что вокруг произошли кое-какие изменения. Появилось и быстро приближалось белое экскурсионное судно. Когда оно проходило мимо землечерпалки, с палубы на нее уставились несколько объективов. Механик, в свою очередь, вышел из рубки и сфотографировал судно. Мартин Бек провожал судно взглядом и заметил несколько отталкивающих подробностей. У суденышка были красивые гладкие линии, но мачту обрезали, а вместо высокой, прямой трубы поставили какую-то странную жестянку, напоминающую шляпу. Внутри судна, где должна была ритмично работать почтенная паровая машина, урчало нечто, по всей вероятности представляющее собой обычный дизель. На палубе толпились туристы, почти все пожилые или среднего возраста, и почти у каждого на голове была соломенная шляпа с цветными ленточками.

Теплоход назывался «Юнона». Бек вспомнил, что ему рассказывал Ольберг при их первой встрече.

СОДЕРЖАНИЕ

Розанна. <i>Перевод М. Косенко, Г. Чемеринского</i>	5
Швед, который исчез. <i>Перевод Г. Чемеринского</i>	207
Человек на балконе. <i>Перевод Г. Чемеринского</i>	377
Рейс на эшафот. <i>Перевод М. Косенко, Г. Чемеринского</i>	551